

Ху Вэй

аспирант кафедры языкознания
и лингводидактики
Белорусского государственного
педагогического университета им. М. Танка
Минск, Беларусь

Hu Wei

Postgraduate student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
of Belarusian State pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
rebecca.minsk@mail.ru

ЛОГОЭПИСТЕМА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕДАЧИ
КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ БАСНЯХ

LOGOEPISTEME AS A UNIT OF TRANSMISSION
OF CULTURAL AND PRAGMATIC INFORMATION
IN RUSSIAN AND CHINESE FABLES

В статье рассматриваются национально-культурные особенности русской и китайской басен в аспекте лингвокультурологии. В качестве смысловой единицы выступает логоэпистема как прецедентный текст, отражающий ценностные ориентиры определенного этноса. В качестве логоэпистем как носителей определенной культурной информации анализируются зооморфизмы, в разных языках ориентированные на одно и то же реально существующее животное, однако различающиеся ассоциативными коннотативными признаками.

Ключевые слова: басня; логоэпистема; культурная информация; прецедентный текст; коннотация; зооморфизмы; символ.

The article examines the national and cultural characteristics of Russian and Chinese fables in the aspect of cultural linguistics. As a semantic unit, the logoeπισteme acts as a precedent text reflecting the value orientations of a certain ethnic group. Zoomorphisms, which in different languages are oriented towards the same real-life animal, however, differing in associative connotative features, are analyzed as logoeπισtemes and carriers of certain cultural information.

Keywords: fable; logoeπισteme; cultural information; precedent text; connotation; zoomorphisms; symbol.

На современном этапе лингвистической науки наблюдается усиленный интерес к языковым единицам, отражающим сложный процесс развития национальной культуры. На фоне всеобщего процесса глобализации, с одной стороны, все отчетливее проявляется всеобщность и единичность этнокультур, с другой – активизируется культурный диалог между разными странами с целью ликвидировать разногласия, стимулировать сотрудничество и взаимопонимание. Любой национальный язык выполняет функцию фиксации и сохранения знаний об окружающей действительности, которые отражаются в языке, и прежде всего в его лексико-фразеологическом составе. Многие исследователи (Т. З. Черданцева, Д. О. Добровольский, В. Н. Телия, С. Назарян, В. В. Морковкин и др.) отмечают лингвокультурный

аспект таких знаний, «представляющих когнитивную деятельность народа, его видение мира, национальную культуру, обычаи и верования и историю носителей языка. Условия жизни оставляют неизгладимый след как в лексико-фразеологическом составе языка, так и в значении отдельных слов, приобретая благодаря этому устойчивость и составляя впоследствии содержание общественного сознания» [1, с. 208].

В качестве единицы исследования национально-культурных особенностей языка, синтезирующей единство лингвистического и экстралингвистического содержания, ученые рассматривают логоэпистему – «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [2, с. 13–17]. Будучи средствами описания и усвоения языка, логоэпистемы являются символами, сигналами, знаками артефактов национальной культуры. В качестве логоэпистемы могут выступать пословицы, поговорки, фразеологизмы, афоризмы, высказывания известных людей, цитаты из анекдотов, литературных произведений, строки из песен, общеизвестные имена собственные и др. Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров указывают, что многие источники логоэпистем являются для носителей языка прецедентными текстами, формирующими общую культурную память носителей языка. Поэтому ядро логоэпистемы следует связывать с понятием *прецедентные тексты* (термин Ю. Н. Караулова) [3, с. 16], т.е. логоэпистема – это не только единица, несущая культурную информацию, это смысл, оформленный как текст. С этой точки зрения басня – один из древнейших жанров искусства – может рассматриваться как прецедентный текст, или логоэпистема, отражающая ценностные ориентиры определенного этноса.

Логоэпистема несет в себе национально-культурный компонент значения, эксплицированный коннотативной безэквивалентной, частично эквивалентной лексикой, именами собственными, нарицательными и др. Р. В. Браун и М. Форд отмечают: «Имя собственное концептуализирует человека как уникальный организм. Но когда интерес к человеку растёт, вместо одного имени собственного индивид реализуется в целом ряде разных имен...» [4, с. 50], которые с течением времени становятся именами нарицательными. «Под влиянием национальной специфики перцептивной деятельности одни и те же предметы или явления могут по-разному оцениваться в отдельных культурах, вследствие чего обозначающие их слова приобретают различные коннотации, которые выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова» [3, с. 48]. Коннотация, являясь компонентом логоэпистемы, дополняет предметно-денотативное, а также грамматическое значение языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому» [4, с. 67].

Логоэпистема имеет коннотативный смысл. Как элемент прагматики, «коннотативное значение логоэпистемы отражают связанные с языковыми знаками культурное понимание традиции, которое доминирует в данном обществе, практику использования определенных предметов и многие другие внеязыковые факторы» [3, с. 68]. Поэтому семантические ассоциации логоэпистемы – несущественные, но устойчивые признаки выражаемого языковой единицей понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действия, содержащие элементы – логические и эмотивно-оценочные. По мнению О. А. Корнилова, коннотативная зона языка тесно связана с символикой. Если в какой-либо культуре «животные являются символами силы, трудолюбия, мудрости, трусости и т. п., то применительно к лингвистике это означает, что лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя эту информацию» [5, с. 147]. Например, муравей с библейских времен считается воплощением трудолюбия в европейской символике и эмблематике [6, с. 206]. Это понимание выражается в коннотациях данной архетипической логоэпистемы: в русском языке производное прилагательное *муравьиный* означает ‘трудолюбивый, заботливый, хлопотливый (муравьиная работа)’ [Там же, с. 207], например, в басне И. А. Крылова «Стрекоза и муравей». В китайском языке данное понимание не подтверждается наличием каких-либо переносных, производных слов, т. к. в китайской культуре *муравей* – символ маленького человека (басня «蚂蚁和狮子») («Муравей и Лев»).

Басни, отражающие мироощущение народа, оказывая огромное влияние на формирование национальных особенностей характера, определяют нравственные, эстетические, познавательные ценности, являются основой создания объемных архетипических логоэпистем, например: в русском языке – (И. А. Крылов) *мартышкин труд, а ларчик просто открывался, слона то я и не заметил, Демьянова уха, Тришкин кафтан, да только воз и ныне там* и др.; в китайском языке – «叶公好龙» (Е Гун) (любить драконов, обр. в. знач. ‘любить лишь на словах’); «望洋兴叹» (смотреть на океан и вздыхать, обр. в. знач. ‘чувствовать свое бессилие’); «掩耳盗铃» (заткнув уши, воровать колокольчик, обр. в. знач. ‘прятать голову в песок’); «井底之蛙» (лягушка на дне колодца, обр. в. знач. ‘узкий кругозор’); «老马识途» (старый конь дорогу знает, обр. в. знач. ‘старый конь борозды не испортит’); «一鸣惊人» (впервые запев, поразил всех, обр. в. знач. ‘вдруг поразить своими успехами’) и др. [7].

Россия и Китай имеют различную историю и культуру, но каждая страна обладает бесценным опытом, который сложился под воздействием различных условий, что, естественно, повлияло на прагматические особенности басен. Как известно, действующими лицами басни обычно выступают животные, растения, вещи, высмеивающие пороки людей. Согласно классификации способов создания аллегории, басни, как отмечает Чэн Пуцинь [8], можно разделить на басни, в которых в качестве персонажей выступает

человек, и басни антропоморфные, т. е. перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы, животных, растения, природные явления, сверхъестественные сущности. В русской культуре таких басен незначительное количество: Д. Бедный – «Демьянова уха», «Кот и повар», «Охотник», «Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Ларчик», «Крестьянин и Лисица», «Крестьянин и Работник»; И. А. Крылов – «Мартышка и очки»; В. Третьяковский – «Простая справка» и некоторые другие. Басни с человеком в образе главного действующего персонажа для традиционной китайской культуры – явление закономерное. Бао Яньи в «Басенном словаре» дает определение антропоморфной басне: «Это басни, в которых в качестве главных героев используются животные, растения и неживые существа, а также используются антропоморфные приемы, чтобы заставить вышеуказанные изображения обладать человеческими мыслями, действиями и эмоциями» [9, с. 83–84]. В китайском языке такие басни преобладают: 孔子 («Кун Цзы»), 畸人 («Цзи Жэн») «Да Цзунши» («Великий Мастер»), 圣人 («Шэн Жэн»), 神人 («Шэнь Жэн»), 至人 («Чжи Жэн»), 真人 («Чжэнь Жэн»), 庖丁 («Пао Дин: повар»), 石匠 («Ши Цзян: каменщик»), 工倕 («Гун Чуй: искусный мастер»), 捶钩者 («Чуй гоу чжэ: мастер поясной пряжки»), 驼背老人 («Горбатый старик»), 轮扁 («Лунь Бян: колесный мастер») и многие другие.

В современном русском и китайском басенном творчестве наблюдается тенденция делать главными персонажами неодушевленные предметы, небесные явления, абстрактные вещи, характеристики человека и др., например: у С. В. Михалкова – «Арбуз», «Большая кость», «Услужливый», «Тюльпаны», «Кирпич и льдина», «Ах, кока-кола!», «Бюрократ и смерть», «Знакомый голос», «Тщеславие», «Колос и Василёк», «Скала и Утёс», «Два Топора»; в китайском языке – «桔逾淮为枳» («Мандарин над Хуай – трехлистный»), «匠石与栎社» («Цзян Ши и Лишэ»), «商丘大木» («Дерево в Шанцю»), «拔杨容易树杨难» («Выдергивать Иву легко, а сажать ее тяжело»), «柱山两木» («Чжу Шан Лян Му: гора и два дерева») «桑谷» («Сан Гу: тута (название дерева) и хлеб»), «圆规» («Циркуль») Хай Дайцюань; «眼睛、嘴巴、耳朵的对话» («Диалог между глазами, ртом и ушами») Ван Гуантяня; «瑞雪» («Благодатный снег») У Гуансяо; «大红鼓» («Красный барабан») Го Жунана и др. Такие логоэпистемы аккумулируют в себе как собственно языковое представление, так и тесно связанную с ним внеязыковую культурную среду.

В баснях в качестве логоэпистем как носителей определенной культурной информации могут выступать зооморфизмы, в разных языках ориентированные на одно и то же реально существующее животное, однако различающиеся ассоциативными коннотативными признаками. Для иллюстрации приведем логоэпистему *петух* и ее семантические ассоциации в сопоставляемых языках – ‘драчливость, задиристость, гордость’. Кроме того, в русском языке *красный петух* – это олицетворение огня, пожара; фразеологизм *пускать красного петуха* обозначает ‘поджечь что-либо,

устроить пожар' [6, с. 216– 217]. В китайском языке «公鸡下蛋猫咬狗» (*петух несет яйца, кошка кусает собаку* имеет значение 'непредсказуемый'), «瓷公鸡, 玻璃猫» (*фарфоровый петух – значит 'скупой'*), «大公鸡吃米» (*петух ест рис* означает 'бесчисленное множество чего-л.'). Что касается басенного петуха, его образ не имеет особенных семантических расхождений в двух культурах, но существуют различия в отношении к нему со стороны других действующих лиц. Например, в басне И. А. Крылова «Госпожа и две служанки» петух представлен как злобное существо: *Да, в доме том проклятый был петух...*; или *Злодея их не стало...*, поэтому и расправляются девушки с ним без малейших угрызений совести: *Добро же ты, нечистый дух!*; *И, выбрав случай, без сожаленья, свернули девушки головку петуху* [10, с. 190].

В русской культуре отношение к петуху многозначно, потому что в славянской мифологии петух наделяется способностью противостоять нечистой силе, он постоянно оказывается связанным с огнем и часто оберегает дом от пожара. А крик петуха, по народному убеждению, отгоняет всякую нечистую силу [11, с. 246]. В китайском языке крик петуха обозначает 吉(ци) – 'несет счастье и весну': 金鸡鸣春 (*когда золотой петух закричит, тогда весна будет*), 鸡鸣报晓 – 'крик петуха: возвещает рассвет' (напр. о бое часов как о пении петуха). В начале нового китайского года клеить на окнах вырезанное из бумаги изображение петуха – к счастью. Басенный петух имеет и другое значение: в басне «Мэнчанцзюнь» один из слуг, притворившись собакой, проник в цинский лагерь, где Мэнчанцзюня держали под стражей, и помог ему бежать, а другой отвлекал преследователей подражанием пению петуха. В результате появилась фразеологическая единица: «鸡鸣狗盗» – *петух поет, (и как) собака крадет*, которая имеет смысл 'совершать мелкую кражу, мошенничество'. В современном китайском языке фразеологизм имеет значение 'ловкий, изворотливый человек'. Кроме того, в китайских баснях встречаются еще некоторые чэньюй со словом *петух*: «斗鸡走狗» (*петушиные бои и собачьи бега*, обр. 'прожигать жизнь, жить в свое удовольствие').

В русской культуре логотипема *лошадь* – символ скорости, грации, мужества и силы. В христианстве конь обозначает солнце, смелость, благородство. Например, в басне И. Панина «Верховая лошадь» данное животное выступает символом скорости и грации (*Но что ж? как лошадь статна, / С собой как ни красива...*). В древней китайской басне образ лошади часто используется как символ работоспособности, например, басни «骥遇伯乐» (букв. превосходный конь встречает Бо Лэ. Конь жалуется, что его заставляют возить соль. В перен. знач.: о выдающемся, талантливом человеке, который жалуется мудрому человеку на унижительность навязанной ему службы); «田子方遇老马» («Тянь Цзыфан встречает старую лошадь»), «置之牧外» («Чжи Чжи Му Вай») и др. До настоящего времени образ лошади в китайской культуре употребляется для отражения успеха, заслуг перед обществом.

В басне («Павлин и Соловей») И. А. Крылов для изображения талантливого человека использует образ Соловья, называя его *великий мастерище, любимец и певец Авроры*. И хотя цвет перьев Соловья не вызывает восхищения, его исполнительский талант признается всеми. В современном русском языке этот образ является символом того, что за скромной внешностью скрывается богатый внутренний мир. Еще один яркий пример символизма: в западной культуре «Феникс» является символом бессмертия, воскрешения после смерти через огонь, например, в басне В. Измайлова «Феникс». В китайском языке феникс – «凤凰» («фенхуан»): «凤» (фен) – самец птицы, «凰» (хуан) – самка птицы; для китайцев феникс – воплощение супружеской верности и счастливой жизни, его образ изображается на свадебных нарядах. Чэньюй «凤凰于飞» (букв. *самцу и самке феникса вместе летать*, обр. в знач. ‘счастливые супруги’). И сейчас феникс является символом счастья в китайской культуре. Китайцам нравится так называемая «золотая середина» (согласно учению Конфуция), что находит отражение в баснях. Так, в басне «鹬蚌相争» (букв. Бегас схватился с устрицей) основной смысл в том, что выигрывает тот, кто идет на компромисс, т. е. надо быть терпимыми друг к другу, понимать друг друга и иногда уступать собеседнику, чтобы добиться успеха.

В русской культуре частым басенным персонажем выступает образ собаки как символ верности, преданности, дружелюбия. В китайской традиционной культуре собака имеет отрицательные ассоциации: стремление к выгоде, отношение к людям в зависимости от их общественного положения, неверность, т.е. данная логозпистема имеет негативный коннотативный смысл. Например, смысл басни «晏子春秋·内篇·问上» («Яньци Чунцю · внутренний отдел · Вопросы») следующий: человек, наделенный властью, злой, как собака, должен быть изгнан, чтобы не навредить; другими словами, каким бы хорошим монархом ты ни был, зло никогда не принесет пользы.

С точки зрения культурных коннотаций интерес представляют басни К. Пруtkова, которые строятся на обыгрывании слов-омонимов, приводящих к созданию каламбура, например, («Чиновник и Курица») *нестись – бежать* и *нестись – нести яйца* (о курице); («Стан и Голос») *стан* как ‘тело, организм, телосложение’ и *стан* как ‘административно-полицейский округ из нескольких волостей’; («Звезда и Брюхо») *звезда* как ‘небесное тело’ и *звезда* как ‘орден святого Станислава’, имеющий форму звезды. По мнению С. Влахова и С. Флорина, «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [12, с. 187], выражают определенные реалии с помощью языковых особенностей передачи культурной информации этой нации. Например, китайское выражение «以羊易牛» (*заменить корову овцой*), имеющее аналог в русском языке – *поменять шило на мыло*), содержит следующие логозпистемы: 一天, 梁惠王坐在庙堂上,

看到堂下有一个人牵着牛走过 (пер. *Однажды Лян Хуй Ван, сидя в храме, увидел человека, который вел на веревке корову*). В современном китайском языке слово *庙堂* (Мяо Тан – это храм предков: даосизма или буддизма), в древнем Китае оно обозначало «*朝廷*» (Чао Тин – ‘императорский двор’). В русской культуре часто используются названия церквей или костелов.

Таким образом, логоэпистема играет существенную роль в построении коммуникативного акта, в структуризации новых текстов, то есть существует как единица смысла. При этом многие логоэпистемы, созданные баснописцами, превращаются в общеупотребительные пословицы и поговорки, которые становятся прецедентными текстами, отражающими духовные ценности лингвокультурного сообщества, его многовековую мудрость. Они стимулируют ассоциации читателя, которые способствуют культурной памяти басенных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маслов, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. *Бурвикова, Н. Д.* Что же такое логоэпистема / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Вестн. РУНД. – Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. – 2006. – № 7. – С. 13–17.
3. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наук, 1987. – 16 с.
4. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – С. 50–68.
5. *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 147 с.
6. *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – С. 206–217.
7. *Чэн, Ч.* Китайская басня и фольклор / Ч. Чэн, С. Чэн. – Ханчжоу : Чжэцзян. изд-во, 2012. – 111 с.
8. *Чэн, П.* Описание басни / П. Чэн. – Чанша : Книжн. изд-во Юе Лу, 2014. – С. 138–317.
9. *Бао, Я.* Словарь басни / под общ. ред. Я. Бао. – Цзинань : Завтра, 1988. – 490 с.
10. *Кимягарова, Р. С.* Словарь языка басен Крылова / Р. С. Кимягарова. – М. : Оникс, 2006. – 928 с.
11. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомарова. – М., 1990. – 246 с.
12. *Влахов, С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношение, 1986. – 187 с.

Поступила в редакцию 17.12.2021